

На правах рукописи

РЕДКИНА Ирина Александровна

**Традиционная музыкальная культура
среднесурских районов Пензенской области
(к проблеме выявления регионального субстрата
в песенном стиле)**

Специальность 17.00.02 – Музыкальное искусство

**Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата искусствоведения**

Москва 2011.

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Московская государственная консерватория (университет) им. П.И. Чайковского»

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, профессор,
Гилярова Наталья Николаевна

Официальные оппоненты: **Ярешко Александр Сергеевич**
доктор искусствоведения, профессор,
Саратовская государственная
консерватория им. Л.В. Собинова,
заведующий кафедрой народного пения
и этномузыкологии

Данченкова Наталия Юрьевна
кандидат искусствоведения,
Государственный институт
искусствознания, старший научный
сотрудник отдела народной
художественной культуры,
заведующая аспирантурой

Ведущая организация: **Воронежская государственная
академия искусств**

Защита состоится 26 сентября 2013 года в 18 часов на заседании Диссертационного совета Д. 210.009.01 при Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского по адресу: 125009, Москва, ул. Большая Никитская, 13/6.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского.

Автореферат разослан августа 2013 года.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

Переверзева М.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В настоящее время в отечественном этномузыкознании проблемы соотношения регионального и локального в традиционной музыкальной культуре занимают ведущее положение. Одна из целей современных исследований – выявить специфику местного песенного фольклора, а также региональные основы локального стиля.

Актуальность данной темы бесспорна. Песенные традиции русского народа сегодня переходят в стадию угасания и забвения. Во многих областях практически невозможно обнаружить песенный фольклор, забыты многие детали календарных и свадебных обрядов.

К настоящему времени традиционная культура Пензенской области изучена слабо, несмотря на то, что во многих архивах имеется достаточно большой музыкально-этнографический материал. Из историко-этнографической литературы мы знаем, что пензенский край имеет сложную структуру заселения. Наличие нескольких миграционных потоков русских и чересполосное проживание с автохтонным населением привели к формированию неоднородной в стилевом отношении традиционной культуры. Кроме того, препятствием к образованию единого культурного пространства явились особенности административно-территориального деления. Пензенские земли в разные годы входили в состав Азовской (Воронежской), Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской губерний. Таким образом, можно предположить, что локальные песенные традиции Пензенской области в качестве основы содержат различный региональный субстрат. Работы, посвящённые решению этой проблемы на территории Пензенской области, до настоящего времени отсутствуют. С одной стороны, нет доказательств, что здесь консолидировался единый песенный стиль, с другой стороны, локальные песенные стили также не выделены и не названы.

Объект исследования – народные традиции, сложившиеся в среднем течении реки Суры (притоке Волги) на границе Пензенской области с Республикой Мордовией.

Так как исследуемая традиция сравнительно позднего формирования, не имела какой-либо этнической основы и долгое время находилась под влиянием одного из крупных центров Среднего Поволжья, то, по нашей гипотезе, в качестве субстратной культуры здесь выступила традиционная культура Нижегородского Поволжья.

Цель работы – выявить в традиционной музыкальной культуре среднесурских сёл Пензенской области региональные (средневолжские) и локальные (местные) характеристики песенного стиля.

Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие задачи. Наиболее важные из них:

- определение историко-культурных и административно-территориальных факторов формирования традиционной музыкальной культуры;
- выявление и анализ музыкально-стилевых характеристик песенного фольклора;
- выявление основ местного песенного стиля и соотнесение их с субстратной музыкальной культурой.

Материал исследования. Фактологическую базу работы составили музыкально-этнографические материалы, собранные в разные годы различными собирателями. Нами привлекаются: материалы из архива Научного центра народной музыки Московского государственной консерватории им. П.И. Чайковского, собранные Н.Н. Гиляровой в период с 1983 по 1996 год; записи из архива Творческой лаборатории музыкального фольклора Пензенского музыкального колледжа им. А. А. Архангельского, выполненные пензенскими фольклористами Б.Н. Голубевым, А.Г. и А.А. Тарховыми, И.Е. Кондраковым, О.Н. Апаловой с 1970 по 1991 год;

звукозаписи и рукописные материалы из личного архива Н. С. Малькова за период с 1984 по 1996 год. Также используются материалы, собранные автором в ходе полевой работы с 2008 по 2011 год. Всего было проанализировано более 500 песен различных жанров и различной степени сохранности, а также около 2000 интервью с исполнителями и знатоками местной традиционной культуры.

Методологическая основа исследования. В работе сочетаются несколько научно-исследовательских методов, обращение к которым позволяет комплексно рассматривать различные стороны традиционной музыкальной культуры.

При изучении историко-этнографических источников в работе использовалась методика историко-сравнительного анализа. Привлечение данного метода позволило сопоставить исторические факты, проанализировать и обобщить материал различного происхождения и различной исторической давности.

Филологический подход применялся при выявлении специфики среднесурских говоров. Основными объектами для исследования послужили фонетика и морфология.

Этнографический подход был использован при фиксации музыкально-этнографического материала в полевых (экспедиционных) условиях, а также при обработке полученных данных и сравнении их с более ранними источниками (дореволюционными публикациями, рукописями, материалами из личных архивов).

При изучении музыкального фольклора автор использует терминологию и методику структурно-типологического анализа песенных образцов. На протяжении нескольких десятилетий структурно-типологический метод разрабатывали К.В. Квитка, Е.В. Гиппиус, Б.Б. Ефименкова, М.А. Енговатова. Также в работе применён метод

слогоритмического анализа народных песен, разработанный в трудах А.В. Рудневой, Н.М. Савельевой, В.М. Щурова и других исследователей.

Научная новизна работы связана с несколькими параметрами:

- вовлечение в сферу научного знания новых музыкально-этнографических материалов, ранее не опубликованных и известных лишь узкому кругу собирателей;
- выявление и изучение одной из локальных песенных традиций Пензенской области, определение специфики традиционной музыкальной культуры;
- выявление регионального субстрата на материале местной традиции Пензенской области.

Практическая ценность исследования. Данная работа предоставляет возможность широкого использования новых музыкально-этнографических материалов, репрезентирующих одну из малоизвестных традиций Пензенской области. Материалы исследования существенно дополняют и корректируют сложившееся научное мнение об особенностях жанровой системы песенного фольклора Пензенской области, о характере существующих межжанровых взаимосвязей. Полученные в ходе исследования результаты позволяют также по иному взглянуть на генезис и последующее развитие традиций позднего (вторичного) формирования.

Апробация работы осуществлялась автором в течение ряда лет при работе в Творческой лаборатории музыкального фольклора Пензенского музыкального колледжа им. А.А. Архангельского. Положенные в основу принципы и методы изучения музыкально-этнографических материалов были также апробированы автором работы в рамках специального курса «Преддипломная практика» и в индивидуальных занятиях по курсу «Расшифровка народной музыки» на отделении «Сольное и хоровое народное пение» Пензенского музыкального колледжа им. А.А. Архангельского.

Отдельные положения работы были представлены в виде докладов, обсуждавшихся на следующих научных конференциях: IV международная конференция памяти А. В. Рудневой (Москва, 2008), Отчётно-экспедиционная сессия (конференция) по результатам полевых исследований 2008 – 2009 гг. (Москва, 2010); III межрегиональная конференция «Болховитинские чтения – 2010» (Воронеж, 2010); Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственное воспитание: образование, культура, искусство» (Пенза, 2010); Всероссийская научная конференция «Покровские дни-2011» (Нижний Новгород, 2011), I Московская открытая научно-практическая конференция «Этнокультурное образование: технологии и модели» (Москва, 2011).

Работа прошла обсуждение на заседании кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского 13 декабря 2011 года и рекомендована к защите.

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Приложение включает в себя картографические материалы, этнографическое описание календарных обрядов и традиционной свадьбы, краткий словарь народной терминологии, описание свадебного обряда села Ильмино конца XIX века, а также биографию и обзор научного наследия А.Л. Хвощева. Фотоприложение содержит фото традиционного костюма, обрядовых атрибутов, народных исполнителей. Нотное приложение содержит более 100 старинных песен Среднего Присурья.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются предмет и цели исследования, устанавливается круг основных проблем, получивших освещение в диссертации.

В первой главе («Факторы формирования традиционной музыкальной культуры Среднего Присурья») рассматривается историческое прошлое среднесурских сёл и Пензенской области в целом. Выявляются особенности говора, уделяется внимание традиционной крестьянской одежде Среднего Присурья.

Опираясь на многочисленные источники и широкий круг архивных материалов в истории заселения края можно выделить два крупных периода: период с древнейших времён до начала XVII века и период, охватывающий с XVII по XX столетия.

В первый период (до начала XVII века) заселение пензенских земель носило стихийный характер. На протяжении нескольких столетий различные народы локализовались на ограниченных территориях, наиболее удобных и безопасных для проживания. Так, в низовьях реки Мокши и её притоков расселялась мещера, берега Суры в её среднем течении занимала мордва *мокша* и *эрзя*. В непосредственном соседстве с мещерой и мордвой располагались немногочисленные славянские, в последствии русские поселения. Южные районы современной Пензенской области являлись вотчинами кочевых тюркских племён – ногайцев и хазар.

Подобные особенности заселения края были обусловлены географическими факторами: почти до конца XVII века бóльшая часть Пензенской области в её современных границах была покрыта лесами. Крупные лесные массивы полностью покрывали всю северную часть области и частично захватывали центральные районы, южные земли занимала ковыльная степь – «дикое поле».

На берегах Суры русские поселения появляются лишь к середине XVII века. Большинство из них было основано вольными «охотниками лосиной ловли и лебёдчиками». При этом основную массу переселенцев давали уезды, примыкавшие к пензенскому краю: Арзамасский, Алатырский, Касимовский, Рязанский, Шацкий, Кадомский.

Второй период (XVII – начало XX века) связан с массовой русской колонизацией. Основной состав населения в этот период базировался на двух крупных колонизационных потоках, первый из которых был связан с возведением нескольких оборонительных линий и привлечением широкого числа служилых людей, второй поток явился результатом помещичьей колонизации пензенских земель.

В середине XVII века на территории пензенского края в короткий срок возводятся Керенская, Ломовская, Инсарская и Саранская сторожевые черты. Немного позднее возводится Пензенская линия укреплений. В состав одной из сторожевых линий вошли и исследуемые среднесурские сёла. В 1665 году они получили статус стратегически важных объектов, а всё их мужское население было причислено к служилому сословию.

В конце XVII – начале XVIII века происходит резкое усиление помещичьей колонизации, связанное с оттоком служилых людей. Взятие Азова и присоединение новых юго-восточных территорий потребовало возведения новых укреплений и привлечения широкого числа людей, знакомых с воинским бытом и условиями охранной службы. Указом 1697 года около 2/3 всего воинского населения Пензенской губернии, в том числе и из Среднего Присурья, было переведено на новые места службы – «в Азов на вечное житьё», а также на реки Хопёр и Медведицу.

Опустевшие сёла и земли были сразу же переданы царским приближённым и другим «московского чину» людям, которые незамедлительно переселили на пустующие территории своих крепостных крестьян. Крепостных и дворовых переводили из Арзамасского, Алатырского, Курмышского, Шацкого и – более далёких – Муромского, Переяславль-Рязанского уездов.

Последней вехой, которая оставила значительный след в истории и традиционной культуре пензенского края, стало появление **старообрядцев**. Их расселение в Пензенской губернии носило очаговый характер: в конце

XIX века насчитывалось 12 районов особого распространения раскола. Наиболее крупным из них считался объединённый Саранско-Мокшанско-Городищенский район, локализовавшийся в Среднем Присурье.

Таким образом, население среднесурских сёл не имеет единой этнической основы – на протяжении нескольких столетий здесь соседствовали представители русского, мордовского и татарского народов. Кроме того, вплоть до начала XX столетия на территории края не прекращались миграционные передвижения. В связи с этим в разные годы русское население складывалось из различных социальных групп: до начала XVIII века присурские районы активно осваивали служилые люди и вольные переселенцы, во второй половине XVIII века преобладали крестьянские поселения, в начале XIX века здесь появились подворья старообрядцев.

Преодолеть подобную этническую и сословную чересполосицу позволили внутреннее **административное деление** Пензенской губернии, при котором присурские земли являлись окраинными территориями, а также **географические условия**, которые существенно препятствовали проникновению всякого культурного влияния извне. Определённое значение здесь имело и старообрядчество с его консервативным жизненным укладом. Именно эти факторы привели к формированию в Среднем Присурье очага местной традиционной культуры.

Наиболее яркими отличительными чертами говора, получившего распространение в среднесурских сёлах, являются неполное оканье (*мьлокó, хьровóд*) и ёканье (*нёсу́, вёду́, свёкрóвь*). Самобытна также народная лексика, которая включает в себя как общерусские термины, посвящённые бытовому укладу, одежде, выпечке (*хоровóд, полушáлка, виту́шки*), так и региональную средневожскую терминологию (*кéлиш, посéдки, горнё́е*). Наши полевые материалы указывают на наличие местных диалектных слов

(*ру́я умыхря́стая, жарни́к*). Кроме того, в речи старшего поколения иногда фиксируется старорусская лексика (*ба́ить*).

Характеристики, определяющие местную специфику, позволяют отнести окающие говоры Среднего Присурья к Владимиро-Поволжской группе среднерусского наречия. Ядро этой группы составляют говоры Нижегородской и Владимирской областей. Распространение средневожских говоров в Среднем Присурье, по всей видимости, обусловлено особенностями заселения края.

Исторические факторы формирования культурной традиции сёл также нашли отражение в народном костюме Среднего Присурья.

В исследуемых сёлах в качестве женской и девичьей одежды получил распространение комплекс с косоклинным сарафаном. Традиционный цвет будничного сарафана – чёрный, свадебного – красный, синий, зелёный, и других ярких расцветок, праздничного – также чёрный, но с богатой отделкой.

Под сарафан надевали рубаху, сшитую из покупного ситца или сатина пёстрой расцветки. Сарафан обязательно подпоясывали поясом, а сверху надевали клетчатый фартук. В качестве женского головного убора выступал повойник. Подобный костюм бытовал в среднесурских сёлах вплоть до конца 50-х годов XX века. Возможно, подобную устойчивость традиционных канонов обеспечивала строгость и консервативность старообрядческого уклада.

Вторая глава («К истории собирания и изучения музыкального фольклора Пензенской области») полностью посвящена истории изучения песенного фольклора сурского края.

Обзор имеющихся в нашем распоряжении печатных изданий показывает, что до 1960-х годов бóльшую часть фольклористического наследия составляли этнографические описания различных сторон

народной жизни, в то время как музыкальный материал был представлен весьма скудно – вплоть до последних десятилетий XX века нотографические публикации исчислялись единицами.

Впервые интерес к старинным крестьянским обрядам и песням пензенского края возник в середине XIX века и, таким образом, период собирательства и изучения музыкального фольклора охватывает временной промежуток, превышающий 150 лет. Внутри этого промежутка представляется возможным выделить три периода, каждый из которых характеризуется различным подходом к музыкально-этнографическому материалу: дореволюционный период, продлившийся с конца 1840-х до начала 1900-х годов, период с начала XX века до 1960-х годов, и период с 1970 года по настоящее время.

Особое значение в истории собирания песенного фольклора пензенского края принадлежит **дореволюционному периоду**, продлившемуся с конца 1840-х годов до начала XX века. Временные границы этого периода обусловлены особым отношением к песенному творчеству русского народа, осознанием его этического и эстетического значения в русской национальной культуре. Главными проблемами исследований того времени становятся содержание народного творчества, его общественное и культурное значение. В связи с этим, были существенно увеличены масштабы собирательской работы, а также изменился подход к фиксируемому материалу. Собиратели из числа филологов, этнографов, музыкантов записывали теперь не только отдельные образцы городского фольклора, но и обряды и песни, бытующие в крестьянской среде.

К 60-м годам XIX века волна собирательства постепенно проникает в сельскую местность и находит отражение в работе служителей церкви: историко-статистические отчёты священников включают в себя помимо сведений церковно-религиозного характера различные местные предания, описания крестьянских обрядов и обычаев. Некоторые собиратели

включают сюда же и тексты народных песен. При этом собиратель зачастую оказывался свидетелем или непосредственным участником того или иного обряда, что заметно отражалось на качестве записи. Точный и достоверный материал с этого времени мог способствовать решению сугубо научных задач.

К дореволюционному периоду относятся также первые нотные фиксации песен. Несмотря на то, что ещё не был выработан системный подход для записи музыкальных произведений, а также отсутствовала научная специфика, нотным образцам того времени принадлежит особое значение. Их обобщение позволяет представить традиции народного пения, которые существовали в середине XIX – начале XX века на различных территориях.

Второй период в истории собирательства песенного фольклора пензенского края продлился с начала 1900-х до конца 1960-х годов и связан с развитием научно-исследовательской и собирательской работы в двух направлениях – музыкальном и филологическом. Два различных подхода к народным песням – как к музыкальным произведениям и как к высокохудожественным образцам устно-поэтического творчества – позволили раскрыть всю многогранность и самобытность традиционной песенной культуры пензенского края.

В этот период собирательская работа направлена уже не только на фиксацию обширного и разнородного материала – она была подчинена решению сугубо научных задач. С этого времени объектом изучения становится весь корпус песенных жанров, бытующих на пензенских землях, изучаются особенности поэтического строения, выявляются особенности музыкального строения народных песен. Помимо этого, к 50-м годам XX века относятся первые попытки применения технических средств для систематической записи народных песен. Их результатом, а также результатом первой стационарной собирательской работы, явилось издание

первого нотного сборника научного типа, полностью посвящённого народным песням пензенского края.

Третий период, охватывающий период с начала 1970-х годов по настоящее время, можно справедливо назвать эпохой сплошного обследования Пензенской области. Необходимость системного изучения фольклорной традиции потребовала проведения фронтального обследования пензенского края, которое и было впервые осуществлено в 1970 – 1978 годах. В связи с территориальными и географическими особенностями Пензенской области (в частности, труднодоступностью многих населённых пунктов из-за отсутствия путей сообщения, например, в лесной зоне) особе значение приобрела не только частная инициатива, но и деятельность различных организаций и учебных заведений: Пензенского музыкального училища, Областного Дома народного творчества, Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. На базе этих учреждений проводилась не только масштабная собирательская и научная работа, но и широко развернулась пропагандистская деятельность, направленная на сохранение исконных песенных традиций, на их возрождение и восстановление, там, где они были уже утеряны.

В целом, обзор печатных источников, посвящённых традиционной песенной культуре пензенского края, показал, что за период с конца 1840-х годов до начала XXI века был накоплен значительный и разнообразный музыкально-этнографический материал. При этом в дореволюционных публикациях были представлены в основном этнографические сведения: описания календарных и свадебных обрядов, народных увеселений и праздников, а также данные о вероисповедании, этнической принадлежности, особенностях землепользования, народной медицине, говоре, традиционной одежде. Все эти материалы часто иллюстрировались фрагментами или полными текстами народных песен, звучавших в тот или иной момент. Несмотря на отсутствие целенаправленной собирательской

работы, подобные «случайные» записи уже к концу XIX века в полной мере отразили жанровое своеобразие песенного фольклора сурского края.

Начало XX века было ознаменовано новым подходом к пензенским песням. В 1900 – 1920-х годах было проведено первое стационарное исследование одной песенной традиции, результатом которого явилась слуховая запись напевов сурского края. С конца 1950-х годов благодаря внедрению в собирательскую практику технической аппаратуры были существенно расширены границы полевой работы, а также стало возможным выполнение более точных и достоверных нотаций песен. Тем не менее, первое нотное издание научного типа с пензенскими песнями было опубликовано лишь в 1961 году. Сборник Е.А. Прохорова и П.П. Лондонова, основу которого составили записи напевов без какой-либо обработки, долгие годы оставался единственной публикацией подобного рода. Лишь в наше время круг нотографических источников, посвящённых песенному фольклору пензенского края, был значительно расширен.

Также достаточно поздно – лишь в последние десятилетия XX века – пензенский музыкальный фольклор стал объектом научного исследования. В работах Н.Н. Гиляровой был реализован всесторонний научный подход к песенным традициям Пензенской области, а также осуществлена попытка определить их место в русской национальной культуре. В то же время во многих архивах собран достаточно большой музыкально-этнографический материал. Его обработка и последующее вовлечение в сферу научного знания позволит существенно дополнить и расширить имеющиеся представления о традиционной песенной культуре Пензенской области.

Третья глава («Песенный фольклор Среднего Присурья в контексте традиционной культуры») состоит из трёх разделов и посвящена изучению жанров песенного фольклора среднесурских сёл.

В первом разделе главы («Календарные и календарно-приуроченные песни») рассматриваются песенные жанры, исполнение которых тесно связано с крестьянским земледельческим календарём. В исследуемой традиции получили распространение следующие песенные жанры: новогодние поздравительные (*таўсены* и *таўсенки*); весенние *заклички*; *вёшние* песни – сезонно-приуроченные хороводные, хороводно-игровые и протяжные песни; а также *посидёлочные* игровые песни, исполнявшиеся в осенне-зимний период.

Новогодние обходные песни исследуемых среднесурских сёл по совокупности признаков можно разделить на две группы: *таўсены* и *таўсенки*.

К первой группе новогодних обходных песен принадлежат *таўсены*, которые исполнялись взрослыми во время обхода дворов и носили торжественно-поздравительный характер. При этом *таусены* считались полноценным песенным жанром – их *пели*, а не *кричали*, в отличие от напевов другой группы.

Ко второй группе новогодних обходных песен относятся *таўсенки*, составляющие репертуар детей и подростков. В отличие от *таусен*, *таусенки* не причисляются к песенным жанрам: их не *поют*, а *кричат*. В связи с этим песенное начало в них часто нивелируется: интонационные перепады сглажены, исполнительницы переходят к распевному повествованию или к разговорной речи.

Жанром, маркирующим ранне-весенний календарный период и получившим широкое распространение в Среднем Присурье, можно считать весенние *заклички*. Особенности бытования *закличек* определили форму их исполнения: приговоры рассказывали нараспев, выкрикивали в удобной тесситуре или легко напевали. В связи с этим, в присурских сёлах *заклички*, так же, как и *таусенки*, не причисляли к песенным жанрам – *заклички* никогда не *пели*, а всегда только *кричали*.

Подводя некоторые итоги, мы отмечаем, что обе разновидности новогодних поздравительных песен и весенние *заклички* обнаруживают значительное сходство в ритмическом и ладово-интонационном строении. И *таусены*, и *таусенки*, и *заклички* относятся к классу цезурированных форм и в своей основе имеют единую ритмоформулу; ладовой основой для большинства образцов названных жанров является ангемитоника со строением м.3 + б.2 и б.2 + м.3. Данные характеристики позволяют говорить не только о родстве песенных жанров, но и, возможно, об их общих истоках возникновения.

Одним из самых насыщенных в музыкальном отношении являлся поздневесенний календарный период. Именно в это время звучали хороводные, хороводно-игровые и некоторые протяжные песни, получившие в местной традиции устойчивую сезонную приуроченность и известные под общим названием *вёшние, весённые* песни или *песни для весны*. В нашей работе *вёшние* песни рассматриваются в этнографическом контексте, позволяющем судить об их функции в традиционном бытовом укладе.

Кульминацией исполнения *вёшних* песен являлся обряд *проводов вёсны*, который в местной традиции известен в двух разновидностях. Опираясь на географическое распространение той или иной разновидности, нам удалось выделить два субареала – Вьясский и Пелетьминский.

Ядро **Вьясского субареала** образуют сёла Александрия, София, Напольный Вьяс, деревня Александровка. Здесь на *проводы вёсны* *играли гагой-уткой* – водили хороводы и ходили с песнями по селу. К этому субареалу также относятся сёла Лесной Вьяс, Большой Вьяс, Ильмино, Нечаевка – здесь также основным обрядовым действием являлось вождение хороводов, но в этих сёлах каких-либо сведений об *игре гагой-уткой* и соответствующей терминологии нами пока не зафиксировано.

Пелетьминский субареал охватывает сёла Казачью, Нагорную и Посопную Пелетьмы, деревни Никитянку, Исаевку, Аришку, посёлки Ягодный и Луговой. В этих населённых пунктах *рядили коня* – изготавливали зооморфное чучело. Обязательным условием выполнения обряда в Пелетьминском субареале являлось ряжение участников обрядовых действий.

Но главное отличие двух субареалов заключается в различном удельном весе *вёшних* песен. В отличие от Лесного и Напольного Вьясов, где хорошо помнят многие *весенние* песни, в Казачьей Пелетьме сегодня сохранилась только одна *вёшняя* хороводная песня «Как по морю, морю синему», другие песни *для весны* здесь, к сожалению, забыты.

Несмотря на различный удельный вес в микротрадициях, *вёшние* песни занимают весомое место в общем репертуаре присурских сёл – в настоящее время из публикаций и экспедиционных материалов нам известно более 30 песенных сюжетов. В связи с этим в работе должно внимание уделено каждой внутрижанровой разновидности *вёшних* песен – хороводным, хороводно-игровым и протяжным песням, рассматриваются вопросы их бытования и выявляются особенности их музыкально-поэтической стилистики.

Выполненный нами мелодико-ритмический анализ *вёшних* хороводных и хороводно-игровых песен показал, что практически все известные нам напевы принадлежат к классу цезурированных форм, среди которых преобладают восьмивременники и песни со смешанными по временной организации ритмоформулами. Напевы преобладающего большинства *вёшних* песен реализуются в диатонических шестиступенных звукорядах различного наклона, расширенных снизу до субкварты. При этом лад той или иной песни реализуется посредством ангемитонных оборотов со структурой м.3 + б.2 и б.2 + м.3. Основными моделирующими средствами ладовой системы являются терцовые созвучия, причём

характерными ходами являются не только движение параллельными терциями, но и трезвучиями. В некоторых случаях терцовая «надстройка» приводит к образованию септаккордов.

Анализ календарно-приуроченных *вёшних* песен был бы неполным без учёта их темпов исполнения. Так, для большей части хороводных песен характерны медленные темпы: ♩ = 44 – 72. Несмотря на игровой развлекательный характер, темп исполнения хороводно-игровых песен также достаточно медленный ♩ = 48 – 72. Темп исполнения *вёшних* протяжных, *ходовых* песен колеблется от ♩ = 42 до ♩ = 58 – 60. Лишь единичные напевы поются более быстро: ♩ = 72 – 76.

Темповые показатели тесно взаимосвязаны с общим звуковысотным строем пения. Записи среднесурского песенного фольклора 1983 – 1987 годов свидетельствуют, что повышение строя могло достигать нескольких тонов (до интервала квинты) и проявлялось в любых песнях независимо от их жанра. Но, к сожалению, сегодня мы отмечаем уже практически полную стабильность звукового диапазона. Можно лишь предполагать, что стабилизация вокального строя зависит не только от возраста певиц и наличия обрядовой ситуации. Вероятно, в большей мере здесь сказалось изменение общего эмоционального состояния как конкретных носителей песенной культуры, так и всего сельского сообщества.

В обряде *проводов вёсны* особым значением обладали **протяжные песни**: именно они во многих присурских сёлах маркировали начало ритуальных действий. Тем не менее, протяжные или *дóлгие, тянóчие* песни не получили в Среднем Присурье такого распространения, как *вёшние* хороводные и хороводно-игровые песни. Обобщая материалы различных лет, можно назвать всего лишь несколько сюжетов *долгих* песен, известных в каждом среднесурском селе.

Возвращаясь к обзору календарных и календарно-приуроченных песенных жанров необходимо отметить, что устойчивую сезонную

приуроченность получили также **посиделочные игровые песни**. Они являлись неотъемлемой частью молодёжных собраний и в связи с этим получили закрепление за осенне-зимним календарным периодом.

В целом анализ жанров календарного песенного фольклора показал, что ведущая роль в структуре календарного цикла принадлежит жанрам, связанным с движением. При этом в период весенне-летнего пограничья преобладают медленные хороводы, в то время как осенне-зимний период отмечен подвижными игровыми песнями. Весомая роль этих жанров в календарном цикле подтверждает типологическое родство фольклорной традиции Среднего Присурья со средневожским региональным песенным стилем.

Во втором разделе главы («Особенности неприуроченных песен с движением») рассматриваются плясовые песни и *скоморошины* (по местной терминологии).

Плясовые песни в местной традиции не приурочены к какой-либо календарной дате или конкретному обряду. Они исполнялись в любое время года – во время крупных сельских праздников и молодёжных гуляний на улице, во время зимних посиделок в помещении.

Скоморошины в исследуемых среднесурских сёлах представляют собой плясовые песни с текстами социально-критической направленности. При этом именно содержание поэтического текста служит для исполнителей основным критерием, определяющим жанровую принадлежность.

Музыкально-ритмический анализ плясовых песен и *скоморошин* показывает, что большинство песенных образцов принадлежит к классу цезурированных форм и реализуется в диатонических ладах, среди которых преобладает шестиступенная мажорная диатоника.

В третьем разделе главы («Музыкально-стилевые особенности свадебного фольклора») рассматриваются свадебные песни среднесурских

сёл Пензенской области. Они имеют следующую внутрижанровую классификацию: свадебные песни, которые закреплены за конкретным обрядовым действием и после его реализации не исполняются; *прощальные* песни невесты, представляющие собой лирическое высказывание и известные в местной традиции как *песни, которыми коря́т*; *свадебные величальные* песни, адресованные жениху, невесте, их родителям, крёстным и каждому присутствующему гостю; а также *причитания*.

Свадебные песни, закреплённые за конкретным обрядовым действием, в среднесурских сёлах служили для обозначения фазы отделения невесты от своего рода и маркировали ключевые этапы обряда: продажу рубашки и *со́сны* вечером накануне свадьбы, сборы невесты к венцу утром свадебного дня, приезд жениха и продажу постели.

Весь период от девишника и до отъезда к венцу обслуживался пятью напевам, два из которых являлись политекстовыми – на них распевалось по три-четыре текста. Исполнение каждой свадебной песни было закреплено за определённой обрядовой ситуацией. Так, у ворот дома жениха звучала песня «Летели же голуби», после продажи рубашки и обрядового атрибута *со́сны* пели «Рассосна ль ты моя, сосенка», здесь же в завершение застолья жениху и его матери были адресованы песни «У стола ли, стола браного» и «Да спасибо нашей свахоньке».

Прощальные песни невесты, которые в местной традиции известны как *песни, которыми коря́т*, исполнялись в довенечной части свадебного обряда. Одна из целей исполнения таких песен – дать лирический комментарий происходящему. *Песни, которыми коря́т* не имели точечной приуроченности и могли неоднократно повторяться на протяжении какого-либо эпизода свадьбы в зависимости от желания исполнительниц. В настоящее время известно всего три напева *песен, которыми коря́т*, при этом один из них политекстовый.

Величальные песни занимают важное место в свадебном обряде Среднего Присурья. Они некогда звучали на протяжении всех этапов свадьбы, но наибольшее их количество было сконцентрировано вокруг трёх моментов: величальные песни звучали в доме жениха после успешной продажи рубашки, утром свадебного дня после выкупа места рядом с невестой и на пиру после венчания.

В свадебном цикле среднесурских сёл величальные песни выступают на паритетных правах с обрядовыми песнями. Тем не менее, это не связано с проявлением какой-либо региональной стилистики. Весомая роль величаний в свадебном песенном цикле объясняется преобразованиями, которые происходят со свадебным обрядом в XX веке. Изменение уклада жизни крестьянина привело к тому, что из свадьбы почти полностью исчезли магические ритуальные моменты и, в связи с этим, возросло значение коммуникативной линии обряда. Именно величальные песни утверждают определённый статус тех или иных действующих лиц и способствуют их контакту на протяжении практически всех свадебных этапов.

Широкое распространение в среднесурских сёлах получили сольные свадебные **причитания**. Во второй половине XX века плачами невесты были отмечены моменты сбора невесты к венцу и расплетения косы, а также обряд благословения. Но из дореволюционных публикаций мы узнаём, что в 1890 – 1900-х годах плачи маркировали все значимые моменты свадьбы и имели в обряде гораздо больший удельный вес.

Фактически, плачи выполняли обрядовую функцию – они регламентировали обрядовые действия и передавали чувства, заказанные традицией.

Поэтический текст причитаний имеет в своей основе тонический стих различной слоговой нормы (от 8 до 15 и более слогов в строке). Подобную нестабильность стиха обуславливает высокая степень импровизационности

и стремление к живой речи. Звуковой диапазон ограничен большой терцией и является одной из устойчивых характеристик – большетерцовый трихорд являлся конструктивной основой причитаний как в начале XX века, так и спустя несколько десятилетий.

Отличительной особенностью свадебного репертуара среднесурских сёл является наличие сольных причитаний, которые исполнялись во время игры в **«покойника»** на второй день свадьбы.

В отличие от традиционных причитаний невесты, тексты причитаний над «покойником» практически не содержат устойчивых оборотов и поэтических клише. Плач представляет собой вольную импровизацию исполнительницы и носит шуточный характер. Напевы причитаний над «покойником» так же, как и свадебные причитания невесты, имеют в своей основе большетерцовый трихорд.

Опора на большетерцовый трихорд и волнообразное мелодическое строение напева обнаруживают себя и в **похоронных** и **поминальных причитаниях** Среднего Присурья. Но в отличие от свадебных причитаний невесты и шуточных плачей над «покойником», для похоронного причета характерно преобладание речитативного склада песенной речи и выраженный трагизм исполнения: причет зачастую начинается с всхлипов, рыданий, прерываемых короткими эпизодическими высказываниями. Плач переходит от речевых интонаций к более напевным, песенным интонациям и начинает придерживаться определённой мелодической модели лишь после достижения высокой степени эмоционального накала.

В целом, мы отмечаем, что в исполнительской традиции Среднего Присурья свадебные плачи невесты, шутейные причитания над «покойником» и похоронный причет строго дифференцируются. Так, основой текстов свадебных причитаний невесты или её родственниц являются многочисленные поэтические клише. Напевы исполняются преимущественно в грудном регистре, в удобной для плачеи тесситуре, с

опорой на большетерцовый звукоряд. Свадебный *воп* эмоционально выдержан, всхлипы и рыдания, как средства драматизации появляются к концу причета, паузы носят смысловой характер и возникают только в конце поэтических строк. В связи с этим исполнение свадебных причитаний наиболее приближено к песенному, распетому виду интонирования.

Поэтические тексты причитаний над «покойником» носят шуточный, развлекательный характер. Какие-либо устойчивые обороты здесь отсутствуют и текст представляет собой импровизацию плачеи. Основу напевов шутейных причитаний также составляет узкообъёмный звукоряд. Но, в отличие от причитаний невесты, протяжённые строки которых практически не прерываются цезурами, шутейные плачи складываются из коротких речитативных высказываний, отделённых друг от друга паузами.

Тексты похоронных и поминальных причитаний, так же, как и плачи невесты, содержат в своей основе типовые зачины и большое количество клишированных оборотов. Тем не менее, обучение похоронному причёту, подобно обучению свадебным причитаниям, во многих случаях отсутствовало. Передача похоронной причетной традиции происходила исключительно на похоронах, когда все присутствовавшие имели возможность слышать причёт в живом бытовании, а не в искусственно воссоздаваемой ситуации.

В отличие от свадебных и шутейных плачей, для похоронных причитаний свойственно обилие интонаций физиологического плача, речитативный тип изложения, приближенный к интонируемой разговорной речи, многочисленные всхлипы, голосовые спады и глиссандо. Эти особенности влияют на процессы формообразования, в связи с чем можно выделить две разновидности похоронного причета. Первая разновидность – эмоционально выдержанные плачи. Они характеризуются стабильностью музыкальной формы, их поэтические строки не делимы, паузы возникают лишь после смыслового завершения высказывания. Для второй

разновидности – более экспрессивных причитаний – характерно частое паузирование, результатом которого является разрыв поэтического текста, а также выбор иного – высокого – регистрового положения плача.

В целом анализ жанров свадебного фольклора показал, что по песенному наполнению и функциям песен ни один из признаков свадебного типа («свадьба-веселье» или «свадьба-похороны») нельзя назвать доминирующим, что соответствует песенному наполнению свадьбы в средневолжских областях.

Особое внимание в работе уделяется картографированию отдельных компонентов традиционной культуры. Нам удалось выявить, что наибольшее число совпадений ареалов приходится на присурские сёла Лесной, Большой и Напольный Вясы, Казачью Пелетьму Лунинского района, Ильмино Никольского района Пензенской области. Эти сёла являются географическим центром традиции.

Для центральных и периферийных сёл характерна ориентированность календарного цикла на период весенне-летнего пограничья. При этом централизующее значение принадлежит обряду *проводов вёсны* и приуроченным *вёшним* песням. В свадебном обряде ведущую роль играют обрядовые песни, а также причитания невесты. В сёлах, которые находятся в зоне интерференции, удельный вес этих жанров снижается и обнаруживается тяготение к другим культурным центрам.

Картографические материалы также показывают, что местный стиль Среднего Присурья локализуется на определённой географической территории и характеризуется наличием чётких границ. На севере ареала границу образуют многочисленные мордовские сёла, на западной, южной и восточной границах среднесурская традиция соприкасается с другими местными песенными стилями Пензенской области.

В **заключении** подводятся итоги работы, формулируются её основные выводы. Обосновывается необходимость дальнейшей работы по

выявлению местных песенных традиций Пензенской области, результатом которой должно стать составление этнодиалектного словаря Пензенской области.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

1. *Редкина И. А.* Песенные традиции Лунинского района Пензенской области (к вопросу о выявлении местного песенного стиля) // Казанская наука. – 2010. – № 3. – С. 251 – 256 (0,5 п. л.).
2. *Редкина И. А.* Нравственное воспитание молодёжи в сельской общине середины XX века (на примере обряда *проводов вёсны* в Лунинском районе Пензенской области) // Духовно-нравственное воспитание: образование, культура, искусство : материалы всерос. науч.-практич. конфер. – Пенза : Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2010. – С. 244 – 248 (0,3 п. л.).
3. *Редкина И. А.* Свадебные песни присурских сёл Пензенской области // Казанская наука. – 2011. – № 1. – С. 411 – 413 (0,5 п. л.)
4. На горе сер дуб. Народные песни Лунинского района Пензенской области / сост. Кондраков И.Е., Назарова Т.В., Мальков Н. С., Редкина И. А. – Пенза : Изд-во Пенз. муз. колледжа им. А.А. Архангельского, 2012. – 150 с.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

5. *Редкина И. А.* Песенная традиция среднесурских сёл Пензенской области: стабильное и мобильное // Музыкаведение. – 2010. – № 12. – С. 39 – 46 (0,5 п. л.).
6. *Редкина И. А.* К истории собирания и изучения песенного фольклора Пензенской области // Музыкаведение. – 2012. – № 1. – С. 68 – 76 (0,5 п. л.).